

ПЕРМАНЕНТНЫЙ РЕФОРМИЗМ

В конце двадцатого века в нашей стране начался социальный перелом. Он начался в 1985 году с приходом к высшей власти Горбачева. Основные его события произошли в годы ельцинского правления. Но он еще не завершился полностью, т.е. в такой мере, чтобы его можно было считать явлением прошлой истории. Он еще продолжается. Он является сложным, многоплановым и многоступенчатым историческим процессом. Данная статья посвящена одному из важнейших его компонентов — социальным реформам. Чтобы разобраться в том, что из себя представляет этот аспект переживаемой нами российской истории, необходимо точно установить сущность перелома в целом,

Сущность социального перелома заключается в том, что был разрушен советский (коммунистический) социальный строй (социальная организация) в нашей стране. Именно разрушен, а не изжил себя, не рухнул в силу внутренних причин, в силу своей исторической несостоятельности, как утверждает западная и российская прозападная идеология и пропаганда. Он был еще очень молодым, с исторической точки зрения, едва достигшим степени зрелости. Он блестяще доказал свою жизнеспособность и эффективность. Благодаря ему наша страна одержала великую победу над гитлеровской Германией, руками которой западный мир хотел разгромить коммунистический Советский Союз. Он стал заразительным примером для многочисленных народов мира. Благодаря ему наша страна стала второй сверхдержавой пла-

неты. Он стал реальной силой, способной составить конкуренцию социальному строю западных стран (западнизму) в борьбе за мировую гегемонию. В страхе перед ним Запад сразу же по окончании Второй мировой войны начал беспрецедентную в истории войну против нашей страны, получившую название холодной. Почти полвека длилась эта война, имевшая со стороны Запада целью разрушение советского коммунизма и самого Советского Союза как его носителя. Социальный перелом, о котором здесь идет речь, явился результатом и завершением холодной войны. Советский коммунизм был искусственно и насильственно разрушен вследствие капитуляции Советского Союза в холодной войне перед силами Запада.

Я употребляю слово «перелом», а не «революция», потому что это процесс более сложный, чем те явления, которые принято называть революциями. Он включает в себя как часть политический переворот, который в известном смысле можно отнести к категории революционных, но не сводится к нему. В горбачевские годы был подготовлен этот политический переворот. Последний начался 19–21 августа 1991 года. Он был возглавлен Ельциным. Завершился он 3–4 октября 1993 года расстрелом Верховного Совета РФ по приказу Ельцина. В эти годы наметилась эпоха социального реформаторства, которое во всю мощь развернулось в последующие годы ельцинского правления и с неослабевающей силой продолжается до сих пор, так что ему не видно конца и края. С началом двухтысячного года начался новый период российской истории — период законодательного оформления и закрепления результатов горбачевско-ельцинского периода, период конкретизации и детализации социальных реформ и продолжения реформаторства на уровне интенсивного законодательства и воплощения его в реальность, можно сказать, период реформаторского законодательства или законодательского реформаторства. Начался он с приходом к высшей власти Путина. И похоже на то, что он войдет в историю под его именем.

Таким образом, в социальном переломе, о котором здесь идет речь, следует различать следующие компоненты: 1) политический переворот; 2) совокупность социальных реформ; 3) конкретизация, детализация и законодательное закрепление реформ.

Одной из фундаментальных установок западной стратегии холодной войны с самого ее начала была установка на ослабление (а впоследствии на полное уничтожение) «железного занаве-

са» — отнюдь не с целью облегчения участи советских людей, а с целью своего проникновения в советское пространство и усиления своего воздействия на советское население и в первую очередь на советские правящие и идеологические круги. И одним из средств такого воздействия стала идеология (напоминаю, что холодная война была прежде всего войной идеологической) необходимости реформирования советского общества. Эта установка Запада нашла благоприятную почву в Советском Союзе: в нем действительно назрела потребность в переменах в силу внутренней эволюции. Представители довоенного поколения, еще уцелевшие и сохранившие какую-то память, должны вспомнить, что основным лейтмотивом идеологической жизни страны стала идея: «Дальше так жить нельзя, надо что-то менять!»

Но что именно менять и как? В стране на самом деле начался процесс реформирования, основу которого образовала десталинизация. Он начался до Хрущева. Хрущев лишь использовал его в своих интересах и придал ему тот вид, с каким он и вошел в историю. Десталинизация страны произошла под сильным влиянием Запада, именно так, как хотелось западным стратегам холодной войны. Сталинизм был дискредитирован. Его отождествили с советским (коммунистическим) строем вообще. Под видом борьбы со сталинизмом, причем идеологически сфальсифицированным, пошла затем вся холодная война. Хотя Хрущева, которого можно считать предтечей Горбачева, одернули и убрали, тем не менее мания реформизма осталась, а придание коммунизму образа извращенного сталинизма не преодолено до сих пор.

Советское общество осталось непонятым на научном уровне, как впоследствии признал Андропов, на короткое время ставший во главе страны. Попытки социальных реформ предпринимались фактически вслепую, на авось и под влиянием идущих с Запада идей. Десталинизация в сфере идеологии фактически открыла дорогу для западной идеологии в Советский Союз. Остановить «тлетворное влияние Запада» (как тогда говорили) не могли никакие меры мощного идеологического механизма, ибо они сводились к усиленному навязыванию марксизма-ленинизма, становившегося все более неадекватным переменам на планете, и всяческому препятствованию попыткам научного понимания реальности. Идеологический кризис стал началом и основой тенденции к первому в истории специфически коммунистическому

кризису, который разразился вследствие горбачевских реформ и точно так же остался непонятым научно.

Ко времени появления Горбачева на высотах советской власти в западной стратегии холодной войны был выработан более или менее ясный план победоносного завершения войны путем завоевания «Кремля» под свое влияние и манипулирования его деятельностью по разрушению советской (коммунистической) социальной организации. Само возведение Горбачева на вершину советской власти произошло в значительной мере как диверсионная операция. И вся реформаторская деятельность его проходила именно так, как этого хотелось западным манипуляторам.

Ко времени его прихода на вершину советской власти Советский Союз был на грани кризиса. В этой ситуации были недопустимы никакие реформы вообще. Нужно было сначала преодолеть кризис, что было возможно советскими (коммунистическими), и только советскими, средствами и уж потом приступать к реформам, обдуманым на научном уровне. Горбачев, наоборот, ринулся в реформаторство, которое стало толчком к кризису. Сама его перестройка и явилась реальностью кризиса, на что и рассчитывали западные манипуляторы. А с точки зрения содержания горбачевская деятельность вышла за рамки реформ, якобы имевших целью улучшение существовавшего социального строя (построение «социализма с человеческим лицом»). Результатом ее явилось ослабление советской системы власти, выразившееся в лишении партийного аппарата статуса высшей, сверхгосударственной власти и перенос высшей власти в советы, в попытке создания президентской власти, независимой от партийного аппарата и от КПСС вообще, в разрыхлении всей системы власти и управления и т.д. Объективно это сыграло роль подготовки политического переворота.

Как бы успешно ни действовал Горбачев по разрушению советской социальной организации в интересах Запада, в начале девяностых годов прошлого века западным стратегам холодной войны стало ясно, что разрушить советский коммунизм на пути реформ невозможно. В стране назрел протест против горбачевизма. Все усилия Запада оказались под угрозой срыва. Тогда был спровоцирован августовский «путч» 1991 года, позволивший начать осуществление политического переворота. Только силами явно антикоммунистической власти было возможно продолжить

серию мероприятий по разрушению советской социальной организации. Переворот оказался удачным.

Политический переворот не есть реформа. Это очевидно, когда переворот происходит настолько быстро, что внутри его просто не помещаются действия властей, похожие на реформы. Но в рассматриваемом случае переворот растянулся более чем на два года — с 19 августа 1991 года по 4 октября 1993 года. И в его структуру вошли действия власти, в отношении которых употреблялось слово «реформа». Не буду оспаривать правомерность такого словоупотребления. Важно тут то, что власть предпринимала действия по разрушению одной социальной организации и действия по созданию другой. В реальности эти действия переплетались, сливались воедино. При этом сохранялся человеческий материал и условия их жизни. Многие воспринималось именно как преобразование чего-то одного, воспринималось как реформа в привычном смысле слова. Но происходило нечто другое с социологической точки зрения.

Возглавленный Ельциным политический антикоммунистический переворот проходил под лозунгами продолжения реформ, причем более решительно и основательнее, чем это делалось горбачевской властью, еще сохранявшей хотя бы видимость советской. То, что называли реформами, было на самом деле беспрецедентной в истории человечества всесторонней ломкой вполне здоровой, эффективной и еще очень молодой с исторической точки зрения социальной организации и создание на скорую руку новой социальной организации по западным образцам, которые воспринимались в том виде, в каком их навязывала западная идеология и пропаганда, из обломков советской системы и реанимированных призраков дореволюционного прошлого.

Представьте себе: вы разрушаете один дом и вместо него строите новый. Ни то ни другое не есть реформа, т.е. преобразование одного и того же дома. В языке вы эту ситуацию можете назвать реформой жилья, скрыв тем самым суть дела. Нечто подобное происходит и в рассматриваемой ситуации. Только тут возможности для словесного искажения реальности гораздо богаче. Идеологически нейтральным словом «реформа» тут маскируют социальное явление гораздо более серьезное, чем просто преобразование чего-то постоянно существующего.

На основе политическо́го антикоммунистического переворота в ельцинские годы в реформаторской деятельности власти

произошло раздвоение на разрушительный и созидательный аспекты. Задачей реформ стало разрушение коммунистической социальной организации и создание вместо нее новой, посткоммунистической социальной организации. Слово «реформы» тут сохранило смысл лишь постольку, поскольку новая власть имела дело с той же материальной культурой и тем же человеческим материалом в тех же геополитических условиях, какие достались ей в наследство от советской эпохи. Помимо этого раздвоения произошло еще другое в аспекте принятия решения и его конкретного исполнения.

В процессе реформирования человеческого объединения достаточно большого размера и высокой степени сложности, каким является Россия, надо различать социально-политический и правовой (юридический) аспекты. Они, конечно, связаны, но не одно и то же. В первом аспекте вызревает намерение осуществить ту или иную реформу и принимается решение на высшем уровне власти. Во втором аспекте это решение оформляется и закрепляется юридически. Соответствующие законы детализируются, уточняются, принимают форму серии законов. Тут создаются соответствующие учреждения, назначаются или выбираются исполнители решений. В дело вовлекаются органы власти вплоть до органов наказания.

Не всякие решения властей суть реформы. Не всякие реформы связаны с громоздким правовым аспектом. Многие реформы локального масштаба и частного значения осуществляются, можно сказать, явочным порядком и без шумихи. Возможны случаи, когда это имеет место и в отношении реформ большого масштаба и значения, как это часто имело место в советский период например. Возможны также случаи, когда поднимается большая юридическая суета по поводу мизерных по социальной сути реформ, как это, например, можно наблюдать в наше время.

В условиях социального перелома в России можно наблюдать значительное расхождение между упомянутыми аспектами. В каждом из этих аспектов имеет место бурная деятельность, можно сказать, эпидемия прожектерства и эпидемия законодательства. Они совместно добивают советский коммунизм и строят новую постсоветскую социальную организацию.

Горбачевские реформы подготовили антикоммунистический переворот, осуществленный под водительством Ельцина. Результатом ельцинских реформ явилось стремительное разрушение

коммунистической социальной организации, создававшейся три четверти века. С приходом к высшей власти Путина начался новый период реформаторства. Ожидавшийся массой россиян, ставших жертвами двух первых периодов, радикальный перелом в их пользу не произошел. Теперь уже можно определенно констатировать, что путинский период реформ является продолжением и укреплением ельцинских. Вместе с тем, этот период вносит нечто новое в российское реформаторство. Что именно?

Установилось достаточно четкое отношение между законодательной и исполнительной властью в плане реформаторства. Оно оказалось практически противоположным тому, какое должно было бы, по идее, иметь место в западной демократии, которую Россия вроде бы имитирует. Функцию социально-политического аспекта реформ захватила исполнительная власть в лице президента, а технико-юридическое оформление решений президента отдано законодательной власти — Государственной Думе. И до тех пор, пока сохраняется существующая (сложившаяся в основных чертах в ельцинские годы) социальная организация, законодательная (по идее) власть будет оставаться подсобным учреждением фактически реформаторского «Кремля», т. е. исполнительной (по идее) власти. И с этой точки зрения, постсоветская социальная организация ближе к советскому «Кремлю», чем к западной демократии.

Ничего удивительного я в этом не вижу. Дело в том, что постсоветская система власти есть не просто имитация западной, она есть гибрид западной и советской. И в силу объективных социальных законов (а не в силу недомыслия и злого умысла) она имеет тенденцию к сверхгосударственности. «Кремль» по своему положению во власти и по конституционным прерогативам является выразителем этой тенденции. Он такую возможность имеет. Более того, в силу сложившихся условий он на это вынуждается. Россия сейчас переживает становление новой социальной организации в таких исторических условиях, что добиться коммунизм и построить вместо него нечто западообразное можно только методами власти советскообразной. Напомню читателю: в горбачевские годы в кругах работников партийного аппарата шутили, что они громили КПСС под руководством... КПСС. В этой шутке была большая доля истины.

Усиление реформаторской роли «Кремля» очевидно. Много делается как распоряжения президентской власти, миную

участие власти законодательной. Система власти в целом обнаруживает тенденцию не просто к советизму, но к советизму вождистского типа. Но пока только тенденцию. Для ее легитимации не хватает новой государственной идеологии, материальных средств, послушной президентской партии, подъема материального уровня широких слоев населения, контроля экономики и СМИ, приручения оппозиции и многого другого. На все это нужны многие годы реформ.

Возникает резонный вопрос: наступит ли в конце концов время, когда реформы закончатся и россияне смогут насладиться жизнью в целиком и полностью реформированной стране? Разумеется, все, что в истории начинается, рано или поздно кончается. Но когда и как? Если Россия не исчезнет вообще, то окончание эпохи ее реформирования в обозримом будущем не предвидится. Вряд ли ныне живущим россиянам удастся узреть такую волнующую сцену: на трибуну под гром аплодисментов поднимается президент и объявляет о том, что переходная эпоха реформ закончилась и им предстоит жить в развитом (для начала развитом, а потом в полном) западнизме. Основания для такого пессимистического утверждения имеются. Назову основные из них.

Задача политического переворота в горбачевско-ельцинские годы свелась к захвату высшей власти в стране сравнительно небольшой группой лиц, ориентированных на разрушение коммунистической социальной организации и создание новой, которую они воображали как западнистскую.

Но построить такую социальную организацию практически — на это нужно историческое время. Такое распоряжением высшей власти не сделаешь. Для этого нужна мобилизация усилий целого поколения. Нужна смена поколений, чтобы люди забыли о поломанном коммунизме, лишились бы материала для сравнений и стали представлять советское время в том виде, какой желателен для реформаторов. Задача социальных реформ и состоит в том, чтобы мобилизовать миллионы людей на постоянную жизнедеятельность в этом духе на многие годы. На эти годы реформы должны стать образом жизни активной части населения страны и под их воздействием — всех прочих граждан. Напомню, что после политического переворота 1917 года аналогичный период растянулся более чем на двадцать лет.

Второе основание для моего утверждения — характер пост-

советской социальной организации, создаваемой на месте разрушенного коммунизма. Это социальный гибрид, сочетающий в себе черты разнородных социальных систем — разрушаемого коммунизма, искусственно насаждаемого западнизма и также искусственно реанимируемого национально русского фундаментализма. Это явление в истории человечества новое. Наивно рассчитывать на то, что сразу будут найдены реформы, решающие новые проблемы. Неизбежен длительный период проб и ошибок, отбора и накопления удачных решений. И главный реформатор — «Кремль» — должен набраться исторического (а не одномоментного) терпения и выдержки, выработать социальную стратегию и следовать ей во что бы то ни стало. На такое был способен сталинский «Кремль». Но способен ли на это постсоветский?

И третье основание — несоответствие замыслов реформаторов и их реализации. Одно дело реформы в мыслях реформаторов, и другое дело — состояние страны, насильственно реформируемой. В сложившихся условиях в России и в мире неизбежно расхождение между реальной деградацией страны, с одной стороны, и показным подъемом, с другой. Реформы не могут иметь всеобъемлющий успех, способный заглушить деградацию. Они могут иметь лишь частичный успех, подкармливающий видимость общего подъема. Необходимы все новые и новые усилия для поддержания курса на реформы. Тут требуются не столько конкретные и ясные мероприятия в духе уже принятых реформ, сколько сохранение самого курса эволюции страны в русле реформ вообще — некое состояние перманентной реформации. При этом складывается своего рода идеология, подобная идеологии построения «полного коммунизма». Мол, потерпите еще немного (сколько? лет пятьдесят, сто, двести?), окончится «переходный период», т.е. период реформ, и вы заживете в прекрасном западнистском (плюс дремуче-русском) «светлом будущем». И зримые черты последнего вы можете воочию наблюдать в показных успехах реформ. Как тут не вспомнить Хрущева, который, побывав в США несколько дней и увидев там кукурузу, пообещал, что «нонешнее» поколение будет жить при полном коммунизме.

Деятельность всякого реформатора ограничена не только его личными качествами, включая способность объективного понимания реформируемой реальности, но в гораздо большей мере самой этой реальностью, включая характер ее социальной орга-

низации. Последняя в России, как я уже отметил, есть гибрид разнородных компонентов. А в силу объективных законов социальной гибридизации, неподвластных воле реформаторов, такой гибрид может быть лишь имитацией советизма, американизма и национально русского феодализма. Имитацией не только в смысле подражания, заимствования и подделки, но и в смысле, пример которому дал один из персонажей Ильфа и Петрова — слесарь-самоучка: он из остатков разбитого мотоцикла сделал стационарный двигатель, который был очень похож на настоящий, только не работал.